

ЛОБАЧЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
lobachevaj@gmail.com

**Российская эмиграция в Королевство сербов,
хорватов и словенцев в годы Гражданской войны
по воспоминаниям эмигрантов-детей**

Аннотация: В статье рассматривается процесс российской/русской эмиграции в Королевство сербов, хорватов и словенцев в годы Гражданской войны с точки зрения младшего поколения эмигрантов. Источниками стали опубликованные и неопубликованные сочинения-воспоминания эмигрантов-детей, свидетелей и участников российского исхода, обучавшихся в Реальных училищах Всероссийского союза городов в Загребе и Земуне в начале 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: российская/русская эмиграция, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Гражданская война в России, дети эмиграции, воспоминания, школьные сочинения.

О российской/русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – в Королевстве Югославия, многое уже известно, написано, издано. Вместе с тем и сейчас, спустя 100 лет с начала ее оформления, исследователи обнаруживают или открывают заново малоизвестные источники по ее истории, ставят новые вопросы и находят новые подходы к решению уже обозначенных проблем¹.

В центре нашего внимания – процесс эмиграции, каким его увидели, представили, запомнили и позднее воспроизвели в своих ученических сочинениях-воспоминаниях его свидетели и участники: дети, подростки и молодые люди, разными путями прибывшие из разных мест бывшей Российской империи в Королевство СХС в

---

1 См., например: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. Москва – Белград, 2017.

годы Гражданской войны. Обращение к теме российского исхода через изучение воспоминаний эмигрантов-детей может, полагаем, способствовать привнесению чего-то нового в осмысление феномена российской эмиграции на Балканах, в исследование ее «социально-антропологических и психологических плоскостей», о необходимости которого писал Мирослав Йованович, признанный специалист по истории эмиграции².

Стоит сказать, что идея посмотреть на события Гражданской войны и русский исход «глазами детей» возникла у нас при ознакомлении с документами по эмиграции в Королевстве СХС, в частности с книгой «Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники», которая была подготовлена к печати Л.И. Петрушевой, заведующей архивохранилищем фондов коллекций документов по истории Белого движения и эмиграции в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), и вышла в Москве в 1997 г.³ В книге опубликована некоторая часть из сохраняемых в фондах ГАРФ сочинений беженцев-детей, учащихся русских учебных заведений за границей (в Болгарии, Турции, Чехословакии, Королевстве СХС), написанных ими в 1923–1924 гг. на тему: «Мои воспоминания с 1917 г. до поступления в гимназию».

В общих чертах история их появления такова. Написание сочинений было инициировано 12 декабря 1923 г. в русской гимназии в чешском городе Моравска-Тршебова, когда всем пятистам учащимся было предложено написать сочинение на тему: «Мои воспоминания с 1917 г. до поступления в гимназию». Вслед за этим Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, увидев их ценность, в 1924–1925 гг. организовало написание и сбор подобных сочинений и в других русских учебных заведениях за границей. К 1 марта 1925 г. в Бюро скопилось 2403 сочинения (около 6500 страниц рукописного текста) учащихся 15 русских школ: 2 – из Турции, 1 – из Болгарии, 10 – из Королевства СХС, 2 – из Чехословакии. Выдержки и отрывки из сочинений были опубликованы в Праге в 1924 г. и 1925 г. и вызвали большой резонанс в кругах эмиграции и общественности⁴.

2 Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. С. 11.

3 Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / Сост. Л.И. Петрушева / Под ред. С.Г. Блинова и М.Д. Филина. М., 1997.

4 Подробнее об истории этих воспоминаний см.: Цуриков Н. Дети эмиграции (Обзор 2400 сочинений учащихся в русских эмигрантских школах на тему: «Мои

Сочинения эти в течение многих лет сохранялись в известном Русском заграничном историческом архиве (РЗИА, в Праге) в фонде Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, куда поступили в 1936–1938 гг. После Второй мировой войны РЗИА был передан в Россию, сочинения находились в спецхране ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ), а в 1997 г. часть из них была издана по подлинникам в книге «Дети русской эмиграции»⁵.

Источниковой основой для данной статьи стали сочинения российских учеников, проживавших в Королевстве СХС и обучавшихся в Реальных училищах Всероссийского союза городов в Загребе и Земуне, опубликованные в указанном издании⁶, а также неопубликованные еще полностью сочинения учащихся из Загреба^{7*}, которые сохраняются в ГАРФ⁸. Авторами рассмотренных нами 85-ти сочинений являются учащиеся обоих полов от подготовительного до 8 класса (из Земуна до 7 класса), в возрасте приблизительно от 8 до 20-ти с небольшим лет.

Сочинения эти имеют большую историческую и культурную ценность. С одной стороны, как источник для изучения истории детства (например, таких проблем, как: ребенок/дети и война), а с другой – событий в России в 1917–1922 гг. и истории российского зарубежья. Взятые в целом эти сочинения повествуют о жизни детей и подростков до и после 1917 г., революционных событиях февраля и октября 1917 г., событиях Гражданской войны в России и на Украине, а также эмиграции. Авторы пережили эти события и/или испытали на себе их последствия. Часть из них непосредственно участвовала в Гражданской войне, воевала на стороне Белого движения, в рядах Добровольческой армии. Наконец, все они были свидетелями и участниками русского исхода, сопровождавшего Гражданскую войну.

Разумеется, при изучении сочинений нужно иметь в виду, что у всех авторов есть индивидуальный стиль, субъективный опыт и видение происшедшего, обусловленное возрастом, полом и осо-

---

воспоминания») // Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В.В. Зеньковского. М., 2001. (Первое издание – Прага, 1925). С. 25–29; Дети русской эмиграции... С. 5–6.

5 Дети русской эмиграции... С. 19–20.

6 Там же. С. 423–494.

7 * Все сочинения из Загреба датированы 21 ноября 1924 г.

8 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р-5785 (Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, г. Прага). Оп. 2. Д. 98.

бенностями личной истории (многие из них столкнулись с проблемами мира взрослых, смертью, нуждой, голодом, болью, страхом и рано повзрослели), которые влияли на тон изложения и содержание текстов (кто-то больше писал про одно, кто-то про другое, с разной степенью фактической точности и т.д.). Стоит учесть и то, что определенный отпечаток на содержание воспоминаний наложили и конкретные условия их создания – написание сочинений (притом на заданную тему) было инициировано преподавателями, а авторы являлись эмигрантами или беженцами, которые описывали события не только ретроспективно, но и с точки зрения обстоятельств их переселения и уже извне – из Королевства СХС. Эти особенности сочинений, впрочем, не снижают их ценности как источника по истории эмиграции, что мы и постараемся далее показать.

О самом процессе российского исхода в Европу, в частности в Королевство СХС, времен Гражданской войны – его участниках, причинах, волнах, маршрутах и обстоятельствах существует немало подробных исследований⁹. Вместе с тем, проблемы эмиграции, насколько нам известно, сравнительно редко рассматривались с точки зрения младшего поколения, тем более с привлечением указанных сочинений¹⁰. Добавим, что работы о детях, младшем поколении

9 Об эмиграции в Королевство СХС/Югославию см., например: *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137; *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7–19; *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов. М., 1994; *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии, 1919–1945. Харьков, 1996; *Йовановић М.* Досельаванье русских избглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005 и др.

10 Редкие исключения составляют статьи деятелей эмиграции, педагогов, опубликованные в 1925 г. в сборнике «Дети эмиграции»: проф. В.В. Зеньковского «Детская душа в наши дни», Н. Цурикова «Дети эмиграции...», кн. П. Долгорукова «Чувство родины у детей», А. Бема «Наблюдения и выводы», В. Левитского «У последней черты» (Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В.В. Зеньковского. М., 2001).

А также работы ученых – М. Йовановича, А.А. Сальниковой и И.В. Нарского. См., например: *Jovanović M.* Accelerated Maturity: Childhood in Emigration (Russian Children on the Balkans 1920–1940) // Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing Up in the 19th and 20th Century / Slobodan Naumović, Miro-

переселенцев, часто посвящены проблемам адаптации и «русской школы» за границей¹¹.

Итак. О чем именно и как пишут учащиеся – дети, подростки, молодые люди, когда обращаются к теме эмиграции? Какие сведения мы можем подчеркнуть из них сочинений?

Анализ сочинений показывает, что в плане изучения процесса эмиграции на их основе возможно подтвердить и/или дополнить, детализировать уже имеющиеся фактические сведения по следующим вопросам: 1. кто эмигрировал (социальный состав, экономическое положение, место проживания); 2) почему или от чего ехали (причины); 3) как – технические обстоятельства и условия переселения (время и маршруты эмиграции, индивидуально или с организованными потоками, как проходили эвакуации). Наряду с этим, можно проследить, как складывались судьбы конкретных людей и то, как индивидуальная история вписывалась в общий контекст происходившего в то время, и лучше представить себе социально-психологический портрет младшего поколения эмигрантов (и не только младшего!) – в частности, как переживалась и воспринималась ими эмиграция.

Далее мы приведем фрагменты^{12*} сочинений учащихся от младшего до старших классов, позволяющие дать ответы на перечисленные выше вопросы, а также представить особенности восприятия и воспроизведения воспоминаний о процессе эмиграции детьми разных возрастов. Разумеется, затронуть все работы и ответить

---

slav Jovanović (eds.). Beograd, 2001. P. 199–214; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах... С. 414–423; *Сальникова А.А.* Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 324–352; *Нарский И.В.* Взрослые ожидания в детских воспоминаниях: представления детей русской эмиграции о будущем России в школьных сочинениях 1924 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 3–16.

11 См., например: *Российская эмиграция в Турции...* С. 78–116; *Степанов Н.Ю.* Русские школы в Югославии и Чехословакии. К вопросу об адаптации российской диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. М., 2001. С. 149–159; *Силкин А.А.* Русские кадетские корпуса в эмиграции // Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 215–247; *Он же.* Средние русские учебные заведения в Королевстве СХС/Югославии (1919–1945) // «STUDIA SLAVICA – POLONICA» (К 90-летию И.И. Костюшко). Сб. ст. М., 2009. С. 132–151 и др.

12 * Отточием в скобках обозначены сделанные нами сокращения внутри этих фрагментов. Тексты архивных документов приводятся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

развернуто на все вопросы в рамках одной статьи затруднительно, учитывая большой объем материала. К тому же мы стремились предоставить как можно больше пространства для историй отдельных детей, показать разные взгляды на исход.

Все сочинения можно условно разделить на 3 группы по возрасту их авторов и содержанию. Начнем с 1-й, сочинений учеников подготовительного и 1 класса (авторам примерно 8–10 лет в момент написания).

Младший подготовительный класс. Дети пишут почти только про эмиграцию, про отъезд – откуда, почему и как ехали, иногда про семью. К примеру, мальчик из Загреба: «Я ехал на пароходе Георгий, потом я пересаживался на Владер. Мой папа был офицер (...). Я еще помню, как нас выгоняли из России, и я помню, как мы голодали тогда, как мой папа был доктором»¹³. «Я был в Одессе при революции. Нас обыскивали, потому что мой папа был офицером, оставаться нам в России было опасно, и мы уехали за границу, где проехали через Польшу, Германию, Австрию», – читаем в другом, приведенном в данном случае полностью и, вероятно, неоконченном сочинении¹⁴. А, вот, еще одни впечатления (также полностью): «Хотя я был очень мал, но я все-таки помню, как я уезжал из Анапы, мы сели на “Анатолия Молчанова”, и потом мы приехали на остров Кипр, а тогда мой папа был артиллерист 9 батареи. А потом мы приехали обратно в Россию, в Севастополь. А второй раз мы уже приехали в Югославию, где живем три года»¹⁵.

Воспоминания девочек иные: «Помню, как мы ехали в каюте, там нам было удобно. Помню, как я очень была больна. Мы тогда поехали в Югославию. Я родилась в Севастополе»¹⁶. Из текста другой узнаем о причинах отъезда: «Так как мы боялись, чтобы и для нас не настало голодного времени, то мы уехали за границу»¹⁷.

Теперь сочинения учеников из Земуна. Один из них писал: «Я был на острове, потом я уехал в г. Новый Сад (Нови-Сад. – Ю.Л.), а на острове видел медузы»¹⁸. «Я жил в Одессе. И на Лемносе. Я ехал на пароходе “Владимир”. Я был в Константинополе. И оттуда прие-

13 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 4.

14 Там же. Л. 6.

15 Дети русской эмиграции... С. 425.

16 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 8.

17 Дети русской эмиграции... С. 425.

18 Там же. С. 457.

хал в Земун», – вспоминал другой мальчик¹⁹. Ученик **старшего подготовительного класса** описывал похожие события: «Мы ехали на пароходе, на “Владимире”, (...) приехали на Лемнос, там мы жили в палатках. Жили мы двенадцать дней. Потом приехали в Сербию»²⁰.

У девочки из того же класса более обширные, но менее точные, воспоминания: «Когда мы пришли на пристань, чтоб уехать в Сербию, то я увидела большой пароход (...). Мы сели на этот пароход, было очень хорошо, но билетов не было больше во второй класс, а были только в третий класс, и мы взяли билеты в третий класс. Ехали целый месяц, останавливались в Салониках, а также в Константинополе. (...) Потом мы приехали в какой-то город, (...) и мы там пересаживались на поезд, ехали. Потом ехали в товарном поезде и так приехали в Сербию»²¹.

Заметим, что пути и места следования, которые описывают дети и подростки в своих сочинениях, в основном совпадают с маршрутами движения российских эмигрантов в Королевство СХС, которые прослежены в исследованиях. Установлено, в частности, что широкомасштабные эвакуации проходили весной 1919 г. (апрель, Одесса), зимой–весной 1920 г. (январь–февраль, Одесса; март, Новороссийск) и в ноябре 1920 г. (эвакуация крымских портов – Севастополя и др.). При этом зимой–весной 1920 г. часть переселенцев направлялась сразу в Королевство СХС, а другая – сначала в Константинополь и на острова в Средиземном море (Принцезы острова (Принкипо и др.), Лемнос и др.). Часть эмигрантов весной 1920 г. следовала в Египет. Некоторые переселенцы пережили эвакуацию дважды. Осенью 1920 г. эмигранты тоже следовали через Константинополь. (И ехали они на пароходах «Владимир», «Siam», «Херсон» и др.). Другие пути, по которым беженцы прибывали в Королевство СХС, шли через Болгарию, Румынию или Грецию. Известно также, что некоторое число эмигрантов следовало через Польшу или Норвегию²².

Сочинения учеников **1 класса** уже более подробны. Так, воспоминания девочки (из Загреба) отражают ее переживания и некоторые обстоятельства в связи с отъездом (причины, направление):

---

19 Там же.

20 Там же. С. 458.

21 Там же.

22 Подробнее см.: Российская эмиграция в Турции... С. 10–52; Россия в изгнании... С. 55–67; Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве...; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах... С. 85–92.

«Когда я была маленькая, мне было 8 лет, когда я уезжала из России. Мне было только жалко моих подруг и моих знакомых, а особенно мне было жаль могилки дедушки и бабушки, а больше ничего, я хотела скорей-скорей в Польшу. (...) Мы уезжали из России потому, что наступал голод, раньше в России было очень хорошо, а после становилось все хуже и хуже. (...) Я помню, как мама продавала вещи (...). Мама напекла очень много хлеба, потому что думала, что не хватит денег на дорогу»²³.

Другая первоклассница писала про отъезд: «Пришли в Харьков большевики, и мы должны были уехать (...) пришлось все оставить (...). Когда мы пришли на пристань, то уже везде стреляли. Мама не хотела нас пугать и говорила, что это большой праздник»²⁴.

У мальчика про отъезд из Севастополя осталось такое впечатление: «На другой день мы выехали в заграницу, мама мне говорила, что заграница это не город, а страна, которая за Россией, но я все-таки думал, что это город. (...) И прожили на пароходе 1 месяц, потом пересели на другой пароход, который был должен пойти в Турцию и потом в Югославию»²⁵. Другой ученик из Загреба так вспоминал путь из Одессы: «Потом мы сели на пароход, который был очень, очень большой. Мы отъехали, когда уже по нам стреляли из больших орудий. (...) Мы ехали по морю, один раз я вышел на палубу, но сейчас же упал, была страшная буря и очень большой туман, наш корабль подходил к Босфору в Турции, но никак не мог, хотя капитан был очень опытен, наконец, мы завидели Турцию, Константинополь и мечеть Ай Софию (Айя-София. – Ю.Л.). (...) Мы поселились на одном островке Принкипо, (...) там мы жили 3 года, там было все очень дешево, но мы боялись какого-то паши и приехали в Югославию»²⁶.

Перекликается это с воспоминаниями первоклассника в Земуне, также выезжавшего из Одессы: «Из Одессы мы выехали в Константинополь, мы ехали на пароходе “Габсбург”. Около Константинополя мы держали карантин, стояли долго. Мы пересели на другой пароход и поехали в Принкипо. (...) Мы поместились на даче (...). На Принкипо мы жили больше месяца, а потом поехали в Сербию»²⁷.

23 Дети русской эмиграции... С. 426.

24 Там же. С. 427.

25 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 12, 12 об.

26 Там же. Л. 14, 14 об.

27 Дети русской эмиграции... С. 460.

Иначе писал о приезде «в Сербию» мальчик из Курска: «Мы отправились в Болгарию. По рассказам родителей знаю, что мы из Болгарии выехали на пароходе “Афон”, четыре недели мы стояли во льду, но, наконец, отошли и приехали в Белград, через день мы перешли в Земун»²⁸. Его одноклассница (из Екатеринодара) тоже описывала путь через Болгарию: «По случаю войны мы переехали в Болгарию на пароходе “Спарта”. Из жизни в Болгарии я помню, как мы жили на даче, и как папа приносил улитки, которые он очень любил есть, а я очень боялась их. А из Болгарии мы переехали в Белград»²⁹. Заметим, что маршрут переселения из России в Королевство СХС через Болгарию описывали и другие учащиеся³⁰.

Вторая группа сочинений – тексты учащихся **2 и 3 классов** в возрасте примерно от 10 до 15 лет. Они уже более детально пишут про нередко предшествовавшие эмиграции перемещения семей из города в город и про сам отъезд.

Среди опубликованных сочинений учеников 2-го класса из Земуна нам встретились три сочинения, в которых говорилось о воссоединении детей с отцом, который был уже «в Сербии»: один из них ехал из Одессы, другой – после нескольких переездов по России через Владивосток, а девочка – из Харькова³¹.

Описание еще одного маршрута в Королевство СХС – через Салоники – мы обнаруживаем в сочинении девочки из того же класса, которая пишет про долгую и тяжелую дорогу из Петрограда в Киев, жизнь там, переезд в Новороссийск, затем в Новочеркасск, потом в Одессу, откуда через Салоники в Белград: «В Одессе мы прожили около недели, спали на полу в одной комнате с солдатами и ели из общего котла. Все думали, что из Одессы пойдут обозы, с которыми должны были отправиться и мы. Но в последнюю минуту прислали с английского парохода “Рионегро” сказать, что можно ехать в Салоники. (...) Когда мы вошли на пароход, меня поразила его величина. Потом я узнала, что на “Рионегро” ехало около трех с половиной тысяч человек. Была сильная качка. От Одессы до Салоник мы ехали около месяца, и все это время нас кормили макаронами и гале-

28 Там же. С. 459.

29 Там же.

30 Там же. С. 479, 481 (сочинения пятиклассников Земуна, уезжали из Одессы в 1919 г.).

31 Там же. С. 462–465.

тами. По приезде в Салоники мы сели в товарный поезд и благополучно доехали до главного города Белграда в Королевстве С.Х.С.»³².

Иначе добиралась семья мальчика из Екатеринодара, дорога которой шла через Новороссийск. «Потом, – пишет он, – мы уехали на Кипр, с Кипра на Лемнос, с Лемноса на Салоники, и в Старую Сербию, в Чичак (Чачак. – Ю.Л.), оттуда в Дубровник, оттуда сюда, в Загреб»³³.

Среди неопубликованных сочинений загребских учеников второго класса нам встретились сочинения двух мальчиков, детально и образно описавших свой отъезд и путь по морю: один выезжал из Севастополя³⁴, другой – из Одессы (его текст даже завершился фразой: «Вот все, что я помню, из моего приключения»)³⁵. Контрастирует с ними общее впечатление о дороге девочки (из Екатеринодара на поезде в Константинополь, дальше на пароходе, а потом снова поездом): «И вообще жизнь на пароходе была очень тяжела»³⁶.

За **3-й класс** имеются только 4 опубликованных сочинения учеников из Земуна. Про эмиграцию впечатлений осталось у авторов мало, больше – о событиях и жизни в России с 1917 г. Один мальчик, сочинение которого не окончено, писал об отъезде (из Батуми): «Мы с мамой на громадном пароходе “Франц Иосиф” поехали в Константинополь; пробыв там 1 неделю, мы поехали в Рим. В Риме мы пробыли 4 месяца и поехали в Лондон. В Лондоне мы прожили 4 месяца, а потом отправились в Париж. В Париже мы прожили 4 года и потом поехали в Берлин, и потом»³⁷. А девочка лишь констатировала, что из Ялты «отправилась в Сербию»³⁸.

Наконец, 3 группа текстов – сочинения учеников с **4 по 8 классы** в возрасте приблизительно от 15 лет до 23-х лет (есть и 13–14 летние). Это самые обстоятельные свидетельства наших авторов о событиях революций, Гражданской войны, о жизни в России, скитаниях из города в город и об обстоятельствах исхода. В их числе воспоминания участников военных действий, вставших на сторону Добровольческой армии. Воевавшие, к слову, нередко скупо описывают отъезд, ограничиваясь лишь констатацией фактов.

32 Там же. С. 466.

33 Там же. С. 429.

34 ГАРФ. Ф. Р–5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 22–22 об.

35 Там же. Л. 23–24 об.

36 Там же. Л. 25.

37 Дети русской эмиграции... С. 468.

38 Там же. С. 470.

Так, среди сочинений учащихся **4 класса** в Земуне – два принадлежали кадетам, только упомянувшим эвакуацию из Крыма и то, что они потом приехали в Сербию/в Королевство СХС³⁹; другой участник войны тоже вскользь указал на отъезд из Крыма и то, что «незаметно докатился до Сербии»⁴⁰, четвертый же – вообще об этом не говорил⁴¹.

Последнее среди сочинений 4-го класса в Земуне, сочинение девочки, напротив, про убегание. «В 1917 году, – начинается она, – я первый раз сделалась беженкой и начала бегствие из одного города в другой. Первое мое путешествие было в Курскую губернию, в имение наших родственников»⁴². А в конце пишет, что из Новороссийска «эвакуировались на пароходе в Константинополь. Там нас высадили на острове Антигона, где и остановились мы. После всего пережитого нам казалось, что мы попали прямо в рай. Нас содержали итальянцы, действительно, они очень хорошо относились к русским. Они нас держали, сколько могли, и наконец, с грустью для нас, они попросили нас об выезде. Они устроили прощальный обед, и мы поехали к папе, где была его служба в Константинополе, и жили в общежитии. И там находились до отъезда в Королевство С.Х.С., в город Земун»⁴³.

Другим опытом делится ученик 4 класса из Загреба (не участвовавший в войне), говоря об эвакуации из Ялты осенью 1920 г.: «Шла спешная погрузка на пароходы. (...) Через неделю мы вступили в Босфор, на другом берегу Черного моря. Мы остановились около Стамбула. Наш санитарный пароход “Георгий”, на котором помещались “Белый и Красный Кресты” стал выгружаться на барки, которые доставляли людей на другие большие пароходы. Мы переехали на пароход “Витим”, который стоял тут же на рейде. Мы там прожили две недели, питаясь только тухлым хлебом, мясными консервами и солено-пресной водой. Вскоре нас перевели на берег в турецкие казармы, где мы чуть не умерли от голода. Но потом перебрались на квартиру за последние деньги. В Турции мы прожили два года, занимаясь кондитерским делом. И в конце 1922 года переехали в Югос-

39 Там же. С. 474, 475–476.

40 Там же. С. 473.

41 Там же. С. 474.

42 Там же. С. 476.

43 Там же. С. 477.

лавию»⁴⁴. Добавим, что про эвакуацию осенью 1920-го, но из Севастополя, подробно пишет и его одноклассница⁴⁵.

В этом же классе был ученик, который прибыл по суше, выезжая через Польшу, и при других условиях. Он рассказывает, что из Инсара Пензенской губернии его семья поехала в Москву, а «когда в Москве начались беспорядки, мы поехали за границу. Я не знаю, почему мы уезжаем, и мне не хотелось уезжать. Из Москвы мы поехали санитарным поездом на Смоленск. (...) Нам помогали американцы, и мы каждый день получали завтрак, обед и ужин. Еда была плохая, и я не всегда ел. От Москвы и до границы Польши мы ехали на одном и том [же] поезде. На границе была пересадка, и дальше мы ехали опять [в] товарном поезде»⁴⁶.

И далее продолжает: «С нами ехало много евреев. На каждой станции мы шли получать обед и получали плохой суп и кукурузную кашу. Мы остановились в городе (...⁴⁷), где жили в бараках около города. Я в городе не был, потому что мы жили далеко. Бараки были окружены колючей проволокой, и чтобы идти в город нужно было получить разрешение. Отсюда мы поехали в город Унгарт-Радилив^{48**}. Здесь мы жили около двух месяцев около города. Когда мы сюда приехали, то все должны были идти в баню. (...) После этого нам дали комнаты. Мы все вместе обедали, устраивали вечера, и вообще здесь жилось хорошо. (...) Здесь мы жили тоже недолго и уехали в Чехию через город Луденбург в (...) Брно. В городе было дорого жить, и мы остановились в деревне Лаутлин. Здесь было много лесов, и в них много дичи (...). Я ходил чешскую школу. Здесь жили, кроме нас, еще десять семей русских беженцев. Мы ходили за дровами, делали варенье из сахарной свеклы. Скоро нас из Чехии выслали, и мы поехали в Австрию, в город Грац. Здесь тоже нам давали обеды, и мы ходили за очень дешевой платой в столовую. В Граце мы жили две недели и поехали в Югославию, где и живем до сих пор»⁴⁹.

Возможно, схожим маршрутом, но по другим причинам, выбиралась из России через Москву и семья девочки (13 лет): «Мы были во многих городах и также побывали в Чехии. В Чехии я поступила

44 Там же. С. 432.

45 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 39 об.-40.

46 Там же. Л. 30.

47 * Название города не удалось разобрать.

48 ** Здесь и далее (Луденбург, Лаутлин) уточнить название и местоположение не удалось.

49 Там же. Л. 30 об.-31.

в школу, в которой пробыла около года. (...) Из Чехии мы поехали в Германию, в город Грац^{50*}. Здесь мы жили в пансионе. Из России мы должны были уехать, потому что папа был австрийский подданный, а все австрийские подданные должны были уехать до революции. Из Граца мы поехали в Югославию через город Вену. В первый день прибытия в Вену всех русских пригласили в театр. (...) На второй день мы сразу уехали в Югославию, потому что папа нашел место для службы в городе Загребе»⁵¹.

Разумеется, были среди учащихся и те, кто выезжал из России в частном порядке. Так, девочка (13 лет) описывает путь ее семьи с 1917 г.: из Архангельска⁵² в город Колу на Кольском полуострове (где были несколько месяцев), затем на пароходе в город Варде в Норвегии (оставались 3 дня), оттуда в Гамерфест^{53**} (где-то на 2 недели), затем в Kristiania^{54***} (около 2-х лет жили в полутора часах от города, «папа служил в банке», «жили мы хорошо») ⁵⁵. И далее рассказывает: «Через год папу перевели в Белград, но папа не хотел, чтобы мы ехали с ним, потому что еще не знал, где и как он устроится, и поэтому нас отослал в Англию. Я и две мои сестры учились в английском пансионе, а младшая сестра с мамой жили в том же доме. Мы учились целый год, и по окончании года мы поехали в Yugoslavia. По пути мы заехали к своим знакомым в Paris, там мы прожили несколько недель. Из Парижа мы приехали в Берлин, и там тоже жили. Затем поехали в Вену, где нашли своих родственников, и, прожив некоторое время там, мы отправились в Югославию»⁵⁶.

Сочинения учащихся **5-го класса** – подробные воспоминания о революционных событиях 1917 г. и особенно о Гражданской войне в России и на Украине, переездах по городам и далее эмиграции в Королевство СХС.

Ученики из Загреба, в частности, описывают эвакуации из Новороссийска (Новороссийск – Константинополь – Принкипо – Лем-

50 * Автор допустила неточность (Грац – в Австрии), или в тексте есть пропуск.

51 Там же. Л. 35.

52 Добавим, что из Архангельска через Норвегию также держали путь ученик/ца 5-го класса (ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 53–53 об.) и ученица 7-го класса гимназии в Загребе (Дети русской эмиграции... С. 448).

53 ** Хаммерфест – город на севере Норвегии.

54 *** Видимо, в Христианию, город около Копегагена.

55 Дети русской эмиграции... С. 432–433.

56 Там же. С. 434.

нос – Египет – Югославия)⁵⁷ и Севастополя (Севастополь – Константинополь – о. Ханки – Константинополь – Югославия)⁵⁸.

Приведем в качестве примера фрагмент рассказа об эвакуации из Севастополя осенью 1920 г.: «В ночь с 28 на 29 октября мы получили извещение, чтобы все семьи офицеров спешно собрались и пришли к пристани, грузиться на пароход, а все офицеры оставались бы на своих местах. Сложившись, мы в 6 утра двинулись в путь, взявши по узелку каждый из нашей семьи. К 8 часам мы подошли к центру города, где была уже паника. Улица, которая вела к пристани, была уже заполнена нагруженными подводами. Нам пришлось прождать два дня, пока допустят на пристань. Но вот в ночь 31 октября нас /уже с папой/ и еще одних знакомых пустили, но, к сожалению, парохода уже не было, и нам пришлось идти назад. Мы, не теряя надежды, пошли на другую пристань, где стоял маленький катерок, наполненный пассажирами»⁵⁹. Затем, поместившись на него и простояв до вечера, «направились к пароходам, стоявшим на рейде. (...) В темноте мы подъехали [к] какому-то пароходу и просили принятия на борт, но они нам ответили, чтобы мы раньше выловили морских кадет, плавающих в море на маленьких лодках, которые были оторваны от их катера. (...) В конце концов, мы благополучно исполнили нашу задачу и были приняты на борт. В эту же ночь мы покинули Севастополь»⁶⁰.

Отметим, что среди воспоминаний пятиклассников из Загреба обращает на себя внимание сочинение (анонимное) как пример восприятия и оценки событий, в котором отъезд представлен, скорее, не как описание некоего действия или события, а как трагический опыт людей, переживающих Гражданскую войну и расстающихся с родиной: «Жизнь становилась невозможная, и поэтому люди бросали свои старые жилища, часто мужья – жен и детей, стариков, уезжали за границу или в другие города России, где имелась возможность влачить жалкое существование. В 1921 г.^{61*} была последняя эвакуация из Крыма, которая, как молния, поразила всех, толпы людей стремились на набережные, им нечего было терять, они уже все по-

57 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 49–49 об.

58 Там же. Л. 51–51 об.

59 Там же. Л. 51.

60 Там же.

61 * Здесь неточность – эвакуация начиналась в 1920-м г.

теряли, кроме своей жизни^{62*}. Каждый хотел спасти свою жизнь и о других не заботился. Многие не верили, что это правда, уже надо забирать пожитки и удаляться из своей родной страны, не зная, что с тобой случится дальше, но мы твердо верили, что всюду хранит нас Сила Всевышнего. Какие счастливые мы были, когда сели на пароход, жалко было расставаться с родной страной, было очень жалко и тех бедных людей, которые оставались на берегу и умоляли со слезами на глазах, чтобы их взяли с собой, но помочь им нельзя было, все корабли перегружены были. И в одно из воскресений декабря месяца 1921 года мы распрощались с нашей родной страной. Вышли на рейд, где простояли всю ночь, изредка слышны были выстрелы Родины. Город всю ночь был озарен пламенем, горели склады, вот последнее впечатление о нашей многострадальной Родине. К утру того же дня корабль отошел, перед этим был отслужен молебен на палубе корабля, все с жаром и со слезами творили молитвы. И после этого начались странствования наши по пустынному морю»⁶³.

И еще несколько созвучных предложений про эвакуацию Крыма в ноябре 1920 г. из текста мальчика, беженца из Ставрополя (Загреб): «Невозможно описать, каких трудов стоило поместиться на пароход. Сидевшие на пароходе чувствовали себя счастливыми, которым удалось избавиться от большевиков. Но не всем удалось сесть на пароход, и пришлось дожидаться своей участи, которая их ожидала. Я выехал из России на итальянском пароходе “Корбин”, который доставил русских беженцев в г. Константинополь. Пересев на пароход “Херсон”, мы отправились в Югославию в надежде на помощь со стороны братьев славян. Жизнь на пароходе была подвержена всевозможным лишениям, но никто не падал духом, в надежде на что-то будущее»⁶⁴.

Упомянем и сочинение пятиклассника из Земуна, в котором описан его опыт переживания двух эвакуаций из Одессы: в первый раз его семья ехала в Сербию через Румынию, а второй – через Болгарию⁶⁵.

В сочинение же ученика **6 класса** более подробные впечатления об эвакуации через Болгарию (из Одессы): «24 декабря 1919 года

---

62 * Описание эвакуации перекликается с описанием эвакуации Севастополя из сочинения ученицы 8-го класса, которое мы приведем ниже.

63 Дети русской эмиграции... С. 439–440.

64 Там же. С. 440.

65 Там же. С. 478–479.

пароход Добровольного флота “Витязь” принял нас на свой борт, и в 3 часа дня мы отчалили от России. (...) 26 декабря прибыли мы в Варну. (...) В город нас не пускали и отправили в карантин, где и пробыли мы до 1 января 1920 года. Время это было очень тяжелое. В незнакомой земле, среди недружелюбных болгар, и мы торопились выехать отсюда. Но в Софии отец заболел (...), и пришлось задержаться на месяц. В конце концов, преодолев все препятствия, прибыли мы в Белград, были здесь, как одни из первых русских, прибывших сюда, очень гостеприимно приняты»⁶⁶.

Не все учащиеся **6–8 классов**, о работах которых пойдет далее речь, вспоминали про сам отъезд, а некоторые почти только ограничивались его констатацией – большую значимость, по всей видимости, для них имел иной опыт, который они описывают: революции 1917 г. и их последствия, события или прямое участие в Гражданской войне и т.д. – опыт, несомненно, заслуживающий особого внимания. А кому-то, быть может, просто не хватило времени, чтобы написать обо всем, или не хотелось по тем или иным причинам к этому возвращаться.

К этой группе относятся в большинстве своем воспоминания учащихся из Земуна **6–7 классов**⁶⁷. Помимо цитированного выше, лишь в двух еще говорилось про отъезд: шестиклассник упоминал эвакуацию из Евпатории в 1920 г. (через Константинополь) в Королевство СХС, делясь своими переживаниями: «Уезжать из России было очень неприятно, точно чувствовалось, что в Россию мы вернемся уже не скоро. Казалось, что вместе с удалявшимся берегом Евпатории удаляется и моя прошлая жизнь, а впереди что-то неизвестное»⁶⁸. А в сочинении семиклассника читаем про путь из Новороссийска в 1920-м г.: «Затем в апреле мы эвакуировались на Лемнос, где во всевозможных лишениях провели весну и лето. Была там школа <Всероссийского> союза городов, в которой я некоторое время учился, но для учения это время у меня в конце концов оказалось потерянными. С радостью покинули мы неприветливый Лемнос со светлой надеждой на будущее, на возвращение на Родину, но, к сожалению, вместо возвращения в Россию предстояло много испытать в Сербии,

66 Там же. С. 483.

67 Там же. С. 484–492.

68 Там же. С. 487.

которая хотя и гостеприимно приютила русских, но все же не может заменить Родины»⁶⁹.

В эту же группу входит часть сочинений учеников из Загреба **6–8 классов**⁷⁰. И здесь, кстати, как пример влияния условий написания на содержание текстов приведем один фрагмент. Подробное сочинение ученика 6-го класса, называвшееся «Моя жизнь от начала 1917 г. и до 1923 г. и воспоминания об этой жизни» завершилось так: «Здесь (в Новороссийске – Ю.Л.) мы прожили 1 месяц и затем на пароходе “Вгуен” приехали в Константинополь, на Принцезы острова. Здесь я занимался ноской воды, учился в гимназии и проводил свободное время на берегу моря. С островов я переехал в самый Константинополь, а затем через Лигу Наций приехал в Загреб, где и живу уже 1½ года, учась в Загребской Русской Реальной гимназии. Эти мои воспоминания вышли не так, как бы я хотел, потому что за такой короткий промежуток времени я не смог написать все подробно, так как за это время было очень много пережито и пережито»⁷¹.

Из оставшихся воспоминаний учащихся в Загребе приведем четыре примечательных свидетельства об исходе.

В сочинении ученика 7 класса, участвовавшего в войне, читаем про эвакуацию Ялты и его связанные с покиданием родины чувства: «В 1920 г. я приехал в корпус в Батуми, где произошла эвакуация в Крым на турецком пароходе “Кизил-Арват”. Подъезжая к Крыму, я был в полной уверенности, что взять его большевикам не было никакой возможности, но, к великому сожалению, он продержался всего несколько месяцев. Ночью перед днем эвакуации нам было объявлено, что будет эвакуация, и чтобы в городе не были беспорядки, из корпуса были разосланы патрули. Эвакуация в порту Ялты произошла довольно спокойно. Корпус поместился на угольном речном пароходе “Хриси”. Все имели мало надежд куда-нибудь доехать. Странно то, что отъезжая от родной земли, я не чувствовал никакой жалости, настолько развились у меня животные чувства»^{72*}.

69 Там же. С. 494.

70 Там же. С. 441–442 (6 класс), С. 443–448 (7 класс), С. 450–452 (8 класс); ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 64–65 об., Л. 66–67 об., Л. 74–76 об., Л. 77–79 об (7 класс).

71 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 60–60 об.

72 * Про отчасти созвучные этим переживания мы читаем в сочинении другого участника войны (4 класс, Земун): «Многие охали, стонали, что потеряли Россию. Мне Россию было не жалко, потому что я не видел там ничего хорошего. Все время война, а потом эта очередь за хлебом и за всякими продуктами, –

Через восемь дней мы были в Константинополе, кот. меня поразил, когда я его увидел, утром рано при восходе солнца, проснувшись от холода. Целый месяц мы находились на воде и, наконец, в 1920 году в ноябре месяце высадились в земле наших братьев славян, в бухте Бакар. Так кончилось для меня странство вонне по водам и по земле. Но все-таки, несмотря на то, что мы находимся уже четвертый год за границей, я все еще надеюсь вернуться в Россию, но не в большевистскую, а в Россию свою национальную»⁷³.

Из сочинения юноши восьмиклассника узнаем еще об одном сценарии эмиграции (из Екатеринослава, примерно осенью 1919 г.): «Из России я выбрался обманом. Мой отец достал бумаги швейцарского гражданина. Сперва мы перебрались в Одессу, потом в Новороссийск, где жили осенью месяц в холодных бараках в ожидании парохода. Наконец, пришел немецкий пароход “Брильзит”, на нем мы добрались в Триест, откуда переехали в Швейцарию. Из Швейцарии я попал в Югославию, где мой отец получил место»⁷⁴.

И завершим мы фрагментами двух сочинений восьмиклассниц с детальным описанием обстоятельств и условий отъезда, покидания России, а также их, беженок, собственных переживаний.

Девушка из Петрограда пишет про скитания ее семьи после Октябрьской революции, начиная так: «В 1917 г. начался ужасный большевистский переворот, и с этих пор наша несчастная Родина до сих пор находится под ужасным игом большевизма. Все население России очень пострадало от большевиков»⁷⁵. И затем вспоминает про оставление Севастополя и России: «1 ноября 1920 года и началась Крымская эвакуация». Говорит она о сборах в дорогу, о том, что целую ночь ожидали на мосту катер, чтобы попасть на пароход «Якут»: «Прозябнув и измокнув дотла, так как шел дождь и был сильный ветер, мы представляли из себя самую плачевную картину, картину беженцев».

И далее, попав на «Якут»: «Обозрев пароход, мы увидели, что места все заняты, и, следовательно, поместиться нам негде, кроме как на палубе. Ужасная грязь парохода нас ужасала, но приходилось

мало прельщала меня такая жизнь. Я стонал только, когда мне хотелось есть. Жизнь моя за время революции была похожа на жизнь животного, которому не было никакой заботы, кроме желудка, и так я незаметно докатился до Сербии» (Дети русской эмиграции... С. 473).

73 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 71-71 об.

74 Дети русской эмиграции... С. 450.

75 Там же. С. 452.

мириться. Но вот около полудня подняли трап, пароход издал гудок, снялся с якоря и поплыл, колыхаясь, по морю. Какое-то странное чувство овладело мной при этом. Мне казалось, что этим гудком пароход в последний раз прощался с Россией, как бы в последний раз прощался с родной ему частью Черного моря. И мне тоже казалось, что я никогда больше не увижу дорогой моей Родины, которую я так люблю всем моим сердцем, всей душой, и без которой не могу жить. Все остальные государства перед ней ничто. Да и, кроме того, у меня вертелась мысль, что нас всех ожидает за границей, куда-то мы попадем, и как к нам отнесутся? Вот какое состояние овладело мной при расставании с родными берегами»⁷⁶.

А потом был Константинополь и пересадка на «Владимир»: «Этот пароход был также нагружен беженцами до предела, выше которого нагрузить было нельзя. Опять все разместились там, где мог. Кто в трюме, кто на палубе. (...) Этот переезд от Константинополя до Бакара был кошмарный. Пароход не топили, холод был страшный, спать было негде, есть нечего, а главное, грязь, грязь, грязь. (...) и отсюда (из Бакара. – Ю.Л.) нас разослали по всем городам Хорватии»⁷⁷...

Сочинение нашего последнего автора, ученицы из Загреба, пережившей две эвакуации за границу, начиналось такими словами: «Самым ужасным, неслыханным событием русской истории явилась русская революция 1917 г. и ее последствия. (...) Ко времени же образования Добровольческой армии ген. Деникина положение в Грузии становилось все невыносимее»⁷⁸.

Далее автор прослеживает путь их семьи (Тифлис (Тбилиси) – Екатеринодар – Ростов-на-Дону – Екатеринодар – Новороссийск), отмечая сопутствовавшие события Гражданской войны. И рассказывает о первой эвакуации и возвращении в Россию: «В феврале 19 г. мы эвакуировались, но без мужчин из Новороссийска. Нас посадили на английский пароход и повезли неведомо куда. На 21 день мы прибыли в Александрию, в Египет. Проведенные там 6 месяцев в пустыне были бы, конечно, очень интересны для описания. Вся природа, особенности жизни, обычаи, нравы, характер народа. В сентябре мы вернулись обратно в Россию, но уже в Севастополь. (При возвращении останавливались в Константинополе.) После всей роскоши как в Каире, Александрии, Порт-Саиде, Константинополе, ви-

76 Там же. С. 453–454.

77 Там же. С. 454.

78 ГАРФ. Ф. Р–5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 86.

денных нами, Севастополь показался каким-то маленьким, невзрачным городком. Но сразу какое-то чувство боязни закрадывалось, какое-то страшное предчувствие. И действительно, (...) жить приходилось среди огромных лишений. Самое же неприятное было то, что (...) была как-то подорвана энергия, замечался упадок сил, чувствовалось приближение конца»⁷⁹.

И далее вспоминает о второй эвакуации – из Севастополя (рассказ сокращен): «И вот в ноябре 1920 г. началась эвакуация. Это было ужасное событие, событие, которое извратило всю жизнь, событие, которое не забудется никогда, которое осталось в памяти как черное, ужасное пятно. С 5 часов утра стали тянуться по улицам обозы к пристаням. Все торопились, волновались, суетились. Все люди были заняты одной лишь мыслью: бежать, ехать, спастись. Пошли и мы на пристань. Дождь, слякоть, холод. На пристани ждали парохода целый день. (...) В городе пылали склады, большие магазины. (...) В 3 ч. ночи был подан французский угольщик Siam. Без освещения началась погрузка. (...) Толкотня была страшная. Какая-то женщина упала в море и утонула, другая упала, сломала себе руку и ногу, посуду раздавались крики, стоны. (...) Наконец, наши были на борту, когда пароход снялся. Все имущество было, конечно, брошено на пристани. Siam стоял на рейде еще целый день. Вечером, когда он выходил из порта, по нему стали стрелять выпущенные арестанты. (...) но всем уже было даже не до этого. (...) Все были подавлены. Но для многих и среди этого тихого ужаса были ужаснейшие минуты. На пароходе появился тиф, который стал беспощадно истреблять людей. (...) Среди всех этих ощущений вы не замечаете и лишений, напр., когда сидите по 2 дня без пресной воды, без хлеба и т.д. На 20 день путешествия Siam прибыл в Бухту Которскую. Этим закончился период эвакуации, и этим начинается новая, совершенно своеобразная жизнь отщепенцев на чужбине»⁸⁰.

Что тут можно добавить?!...

В этих воспоминаниях отразились так или иначе исторические реалии и судьбы конкретных людей. Мы видим эмигрантов-детей из семей военных, служащих, интеллигенции, предпринимателей, юношей из кадетских корпусов и других участников войны на стороне Белых. Эмигрантов с разным уровнем материального достатка, из разных городов – Петрограда, Москвы, Одессы, Курска,

79 Там же. Л. 87.

80 Там же. Л. 87–88 об.

Харькова и многих других. Детей и подростков, уезжавших и/или бежавших, зачастую преодолевая разнообразные лишения, по морю и суше, единичными переселенцами или вместе с крупными потоками эмигрантов (в составе массовых эвакуаций), чтобы избежать голода и режима большевиков или в силу других причин. Для кого-то из них эмиграция означала отъезд, для кого-то – бегство, «беженство», «отщепенство» и т.д. Одни расставались с родиной, с Россией с тяжелым сердцем, кому-то это было безразлично, кто-то не понимал – почему, а кто-то еще не задавался вопросами о том, куда и зачем они едут. По-разному воспринималось младшим поколением и то место, в которое они в итоге прибывали – «за границу», в Югославию, в Сербию, в Земун, Хорватию, «в Королевство С.Х.С.», и где им еще предстояло обрести свое место, если, конечно, их, эмигрантов, скитания заканчивались здесь.

Yulia Lobacheva, Ph.D.,
The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

**The Russian emigration in the Kingdom of Serbs,
Croats and Slovenes during the Russian Civil War according
to the memoirs of the emigrant children**

Abstract: This article aims to consider the process of the Russian emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes during the time of the Russian Civil War from the perspective of the younger generation of emigrants. The article is based on published and unpublished essays-memoirs of the emigrant children, witnesses and participants of the Russian Exodus, who have studied in the Real schools of the all-Russian Union of the Cities in Zagreb and Zemun in the early 1920s.

Keywords: Russian emigration, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, the Russian Civil War, children of emigration, memoirs, school essays.